

истина, добро и красота не чужды друг другу, а являются *различными выражениями совершенства* на экранах мышления, воления и созерцания.

Литература

1. Ильин И. А. Борьба за художественность // Собр. соч.: в 10 т. М., 1996. Т. 6, кн. II. С. 358–370.
2. Ильин И. А. Искусство и вкус толпы. Ивану Сергеевичу Шмелеву // Собр. соч.: в 10 т. М., 1996. Т. 6, кн. II. С. 334–339.
3. Ильин И. А. Основы искусства. О совершенном в искусстве // Собр. соч.: в 10 т. М., 1996. Т. 6, кн. I. С. 53–182.
4. Ильин И. А. О чтении и критике // Ильин И. А. Одинокий художник: статьи, речи, лекции. М., 1993. С. 18–38.
5. Ильин И. А. Путь к очевидности // Собр. соч.: в 10 т. М., 1994. Т. 3. С. 383–560.
6. Ильин И. А. Что такое искусство. Сергею Васильевичу Рахманинову // Собр. соч.: в 10 т. М., 1996. Т. 6, кн. II. С. 317–326.
7. Ильин И. А. Что такое художественность. Николаю Карловичу Метнеру // Собр. соч.: в 10 т. М., 1996. Т. 6, кн. II. С. 327–333.
8. Ильин И. А. Взгляд в даль. Книга размышлений и упований // Собр. соч.: в 10 т. М., 1998. Т. 8.
9. Лосев А. Ф. Диалектика художественной формы // Форма – Стиль – Выражение. М., 1995. С. 5–296.
10. Флоренский П. А. Иконостас // Флоренский П. А. Соч.: в 4 т. М., 1996. Т. 2. С. 427–519.

УДК 172.022.1(03)

А. С. Франц,
О. О. Зыбина

ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ КАК НРАВСТВЕННАЯ ПРЕДПОСЫЛКА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА (ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Аннотация. Статья посвящена проблеме этико-культурологической поддержки интеллектуально-творческой деятельности. Методологической основой исследования является дифференцированное осмысление отечественной нравственной культуры и аксиологический анализ ее образовательного потенциала.

Рассмотрены особенности аристократической системы нравственных качеств человека и интеллигентности, названы их важнейшие характеристики. Новизна подхода заключается в том, что аристократическая модель системы нравственных ценностей осмыслена как личностное условие продуктивной интеллектуально-творческой деятельности. Осуществлен исторический экскурс ее формирования, сформулированы функции и специфика проявления рассматриваемого типа российской поливариантной нравственной культуры, выделены объективные и субъективные условия ее становления, обоснована ограниченность интеллигентности для субъектов интеллектуально-творческой деятельности.

Авторы статьи считают, что воспроизводство интеллигентности в качестве одного из вариантов нравственной культуры России в настоящее время зависит как от собственного пути развития нашего народа, так и от перспектив прогресса мирового сообщества в целом. На современном этапе, когда постиндустриальная эпоха сменяется информационной и в общественной жизни ведущее место постепенно занимает информационное производство, всеобщим продуктом которого является знание и информация, появляются новые возможности для дальнейшей эволюции такого явления, как интеллигентность. Ее педагогический потенциал необходимо использовать в воспитательно-образовательном процессе.

Ключевые слова: отечественная нравственная культура, вариант аристократической нравственной культуры, интеллигентность, образованность, духовность, индивидуальность, великодушие, творчество, познание мира.

Abstract. The paper is devoted to the ethical and cultural facilitation of intellectual creative activities. The methodology basis of the research compiles the differentiated analysis of Russian moral culture and axiological analysis of its educational potential.

The authors describe the specifics of the system of aristocratic moral qualities and refinement; their main characteristics being observed. The novelty of the approach involves the understanding of the aristocratic moral values as a necessary condition for the productive intellectual and creative activity. The authors investigate the historic origin of the aristocratic moral values, and define the functions and specifics of the Russian type of aristocratic culture; the objective and subjective conditions of its formation are highlighted, as well as the integrity of the refinement inherent in people engaged in intellectual and creative activities.

The authors believe that revival of the refinement, as one of the aspects of the Russian moral culture, depends on both the development of our own nation and the the world society as a whole. Nowadays, when the postindustrial society is giving way to the informational one, the production of information takes the leading part in social life. The information and knowledge, being its unified products, provide new ways for evolving of the phenomenon of refinement. Its pedagogic potential should be implemented in the process of education and upbringing.

Index terms: national moral culture, variant of the aristocratic moral culture, refinement, education, spirituality, personality, generosity, creativity, knowledge of the world.

Согласно проведенному одним из авторов статьи исследованию вариантов отечественной нравственной культуры, наиболее органичным для интеллектуально-творческого развития является *аристократический* (гедонистический, креативный) вариант, ориентирующий человека на познание, украшение и облагораживание мира [12]. Сложившись в дворянском сословии России, в середине XIX в. он был воспринят нарождающейся творческой интеллигенцией и позднее стал известен в нашем отечестве под названием *интеллигентность*.

Отличительными особенностями интеллигентности являются приоритет духовных потребностей над материальными, получение удовольствия от интеллектуально-творческой деятельности, великодушное отношение к окружающим людям. Субъекты обсуждаемого типа нравственной культуры, дворянские аристократы, а позднее и интеллигенты, считают нравственным долгом развитие своей индивидуальности и восхищаются проявлениями творческих способностей и талантов других людей. Ведущее место в их взаимодействии с окружающими занимает дружба; им свойственны комплиментарность по отношению к друзьям, вера в гуманистические стороны личности каждого человека, оберегающее отношение к другим людям и т. п.

Определяющие особенности аристократической нравственной культуры, или, как мы называем ее сейчас, интеллигентности, были сформулированы уже в античной философии. Сочетанию высокой духовности и малых материальных потребностей отдавали предпочтение Демокрит, Сократ и другие античные философы, но наиболее полно принципы подобного понимания были сформулированы Эпикуром. Наслаждение от интеллектуально-духовных занятий и навеянный этим образ жизни философ назвал *гедонизмом* (от гр. *hedone* – удовольствие). Современная трактовка философии гедонизма требует уточнения, ибо нередко соотносится с культом наслаждения, чуть ли не призывом к чревоугодию, разврату и т. п. Превратное толкование любого понятия оказывается неизбежным в процессе его массового поверхностного восприятия. «Когда та или иная проблема, ценность становятся достоянием массового сознания, – справедливо замечают исследователи нравственности, – идеал искажается в полном соответствии с распространенными в обществе вульгарными шаблонами» [5, с. 153].

Формулируя сущность гедонизма, Эпикур подчеркивал, что имеет в виду только то удовольствие, которое человек получает от интеллекту-

ально-творческих занятий. Фактически философ стремился постичь проблему смысла жизни человека и достижения им счастья в любых обстоятельствах, так как единственным необходимым условием существования человека разумного и мыслящего он считал свободу духа. «Все писавшие когда-нибудь об Эпикуре, – замечает исследователь его жизни Т. В. Гончарова, – считают, что самому ему удалось достигнуть желанной гармонии разума и души... хотя жизнь вокруг располагала к этому, как никогда, мало» [4, с. 157]. С учетом этого определение Эпикуром рассматриваемой системы ценностей может быть сохранено, тем более что в контексте гедонистического подхода к миру античных философов определяющим условием духовного творчества считалось хорошее расположение духа, «душевное благосостояние» [7, с. 153]. Они рекомендовали отказываться от неполезных удовольствий, ибо «умеренность умножает радости жизни и делает удовольствия еще большими» [7, с. 161].

В России XVIII–XIX вв. гедонистическая нравственная культура отождествлялась с нормами поведения дворян, и в отечественной интерпретации она по праву может быть названа *аристократической*. Такое отождествление не всеми воспринимается однозначно, ибо первоначально аристократия (от гр. *aristoxratia*, букв. «власть лучших, знатнейших») означала форму правления, при которой государственная власть принадлежала привилегированному знатному меньшинству. Однако в русском употреблении, согласно «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля, одно из значений обсуждаемого понятия – «дворянство вообще или дворянство титулованное» [2, с. 22]. Именно такое толкование позволяет принять предлагаемую терминологию.

Возникновение и развитие аристократической нравственной культуры связано с потребностью человечества в интеллектуальном осмыслении мира и поисками способов и путей этого осмысления. С совершенствованием орудий труда, необходимых для создания материальных благ, с концентрацией опыта выживания людей часть из них получила возможность не участвовать в процессе физического труда. Создались объективные экономические предпосылки для тщательного и глубокого осмысления наиболее любознательными людьми особенностей окружающего мира и места человека в этом мире.

Объективная необходимость формирования системы нравственных ценностей, способствующих творческой деятельности, возникла потому, что сложившаяся ранее других традиционная нравственная культура

практически противодействовала процессу интеллектуального творчества, ибо требовала от человека во всех его проявлениях «быть, как все» [12, с. 88]. Любознательный человек оказался перед дилеммой: либо «быть, как все», т. е. подавлять собственную индивидуальность и исключать тем самым возможность хотя бы на шаг продвинуться в процессе познания, художественного творчества, лечения, обучения и т. д., либо развиваться. Поэтому мировосприятию складывающейся новой культурной группы была свойственна высокая оценка развивающейся индивидуальности человека, позволявшей по-новому видеть наблюдаемые природные и общественные процессы и иметь волю и мужество сказать об этом вопреки бытующим представлениям. Эта группа людей, обладавших оптимальными для занятий интеллектуальным творчеством задатками, стала субъектом формирования и воспроизводства духовной сферы деятельности и аристократической нравственной культуры как ее части.

Наибольшую выразительность аристократическое мировосприятие, а позднее и интеллигентность, получили в России. Интеллектуально-творческая активность могла проявляться у россиян, прежде всего, благодаря генетически воспроизводящейся склонности к утонченному восприятию мира. Специалисты в области исследования языческого периода российской истории отмечают необыкновенную развитость у наших предков наблюдательности, творческого воображения, склонности к созданию небанальных мысленных ассоциаций, способности создавать из природных материалов предметы искусства.

Едва ли можно считать случайным то обстоятельство, что по сей день в современной России, при всем имеющемся многообразии и обилии природных ресурсов, при наличии огромной территории, большинство нашего населения не имеют высокого материального уровня жизни. Не исключено, что доминирующей потребностью множества людей остается духовное самовыражение. Об этом свидетельствует меткий, яркий, метафоричный, выразительный язык. На протяжении веков российский человек спокойно абстрагировался от своей бедности и был готов в любую минуту с удовольствием над ней посмеяться. Форма выражения своего самоопределения всегда волновала его гораздо больше, нежели суть. Можно сказать, что и в современных условиях российское население еще не растратило полученные от наших предков субъективные предпосылки творческой деятельности.

Интенсивное развитие в России аристократической нравственной культуры началось примерно в середине XVIII в. Освободившееся от обя-

зательной государевой службы дворянство стало наполнять досуг умственными занятиями. Ценность технического образования, вмененная в обязанность дворянству Петром I, начала падать. Оно стало заменяться школой светского общежития. Появился учебник светских приличий «Юности честное зеркало», начитанность дворянина стала условием его благовоспитанности. Все большее внимание уделялось изящной словесности, поэзии, чтению романов, что развивало игру воображения.

Вторая половина XVIII в. отличалась подъемом аристократической нравственной культуры, достигшим кульминационного момента в начале XIX в. Знаменитое александровское поколение дворянской аристократии главными ценностями считало «высокое просвещение, нравственный идеализм не только на словах, но и на деле» [6, с. 331]. Одна из определяющих особенностей дворян этого поколения – гармония нравственности и интеллекта: «Лучшие из них представляли полноту и цельность личной умственной и нравственной жизни ... в них, несмотря на все превратности судьбы, не было ни тени угловатости, односторонности, резкости, ни нравственной надорванности...» [6, с. 331]. Освобожденное от непосредственного участия в производстве материальных благ, экономически обеспеченное посредством труда крепостных крестьян дворянство имело возможность развивать творческие задатки до уровня способностей. Этому не могли не способствовать занятия музыкой, хореографией, овладение многими иностранными языками, искусство верховой езды, интерес к литературе и фольклору. Логическим продолжением углубления художественного мышления были организация домашних театров, оркестров, подготовка спектаклей и т. д.

Аристократическое мировосприятие и обусловленный им образ жизни русского дворянства были обозначены в русской культуре, как свидетельствует классическая литература, понятием «барство». Это понятие разные культурные группы интерпретировали по-разному. Советская филология понимала его как «нежелание работать, высокомерное, пренебрежительное отношение к людям» [9, с. 37]. Выраженное таким образом явление барства приобрело отталкивающий оттенок: оно раскрывалось как предпочтение дворянами самых примитивных чувств, потребностей, прихотей. Классовый подход к осмыслению социальных явлений приписывал дворянству предвзятое отношение к окружающим, нежелание понимать других людей, неспособность признать свою неправоту, самодурство по отношению к зависимым от них людям, пренебрежительное

отношение к труду и т. п. Не исключено, что эти аморальные качества действительно были присущи какой-то части дворян. Однако трудно представить, что подобный образ жизни является объективным описанием дворянской нравственной культуры, что культурный слой, характеризующий приведенными нравами, мог создавать и ценить высокодуховные произведения. Подобная интерпретация является скорее результатом классового подхода к ценности культуры.

Для более объективной оценки субъектов аристократической нравственной культуры требуется рассмотреть и иное понимание «барства», сложившееся в мировосприятии российской аристократии: «Под словом “барство”, – пишет сын А. Н. Толстого И. А. Толстой, – я разумею известную утонченность манер, внешнюю опрятность и в особенности тонкое понимание чувства чести» [10, с. 58]. Барским идеалом А. Н. Толстого, согласно мягкой формулировке членов его семьи, были «нищета, мир и согласие» [10, с. 116]. Непременным проявлением барства считалась способность человека самостоятельно решать свои проблемы. Выработка такой способности начиналась с раннего детства и приносила детям немало горьких минут. Отличительной чертой барского воспитания, по воспоминаниям детей А. Н. Толстого, было создание и поддержание таких условий, при которых ребенок должен учиться быстро, качественно, на пределе своих возможностей. От родителей требовалось хладнокровие, которое бы удерживало их от немедленной помощи детям в затруднительной ситуации. Суровое воспитание не охлаждало семейных взаимоотношений. Огромное внимание членов семьи друг к другу, отсутствие упреков, назидательности, теплая ироничность прочитываются в воспоминаниях многих дворянских писателей (И. С. Аксакова, А. Н. Толстого, И. А. Толстого и др.).

Интерес русских дворян к творческому осмыслению окружающего мира не привел к утилитаризму в их образе жизни. Незначительность практических потребностей хорошо описана в воспоминаниях современников о Ф. И. Тютчеве. «В одежде своей он был очень небрежен ... походка была очень ленивая (когда он шел, он, по-видимому, не уменьшал и не замедлял интенсивной работы мысли, а потому шел как бы нехотя, мимоходом, стремясь в это время облечь свои чувства и мысли в наиболее оптимальную форму. – А. Ф.). Но чарующую силу сообщал ему его обширный, сильно изоциренный и необыкновенно гибкий ум» [3, с. 361]. Все это в мемуарах о поэте обозначено как проявление барства, которое в дос-

тойном смысле слова воспитывалось не только в семьях, но и в закрытых учебных заведениях. Главным в образовании Смольного института благородных девиц было нравственное воспитание. В его Уставе записано, что девочки вверены начальнице «яко драгоценный для нее, для государства и отечества залог».

Дворянские аристократы никого не обязывали приобщаться к своему мировосприятию. Они были, пожалуй, последними из российских образованных людей, которые не пытались изменить мир по своему усмотрению. Занимаясь его облагораживанием, они охотно принимали в свой круг творческих людей других сословий. В среде русского дворянства сложилась обязанность выявления талантливых крестьянских детей и развития их талантов: «люди, подававшие только надежды сделаться впоследствии литераторами, учеными, художниками ... дружески вводились в кружки и семьи на равных правах со всеми» [6, с. 334]. Аристократическая система нравственных ценностей, или, как выражался П. В. Анненков, «аристократическая подкладка», хороша тем, что она дает «развитым людям с обеспеченным состоянием возможность спокойно и сознательно пренебрегать теми нравственными стеснениями, какие проповедаются людьми, не знавшими отроду обаяний и наслаждений материальной и умственной независимости» [1, с. 300].

Не стоит воспринимать обреченно то обстоятельство, что такая возможность была доступна только развитым людям с обеспеченным состоянием. Для талантливых, но необеспеченных личностей этот путь также был открыт. Именно продуктивность для творчества аристократической системы нравственных ценностей влекла к ней интеллектуально талантливых людей других сословий. Начинаящий Ф. М. Достоевский, человек не дворянского происхождения и не отличавшийся материальным благополучием, быстро осознал превосходство аристократических нравственных ценностей над традиционными. «Внезапный успех, – чутко отметил его современник, – полученный его повестью, сразу оплодотворил в нем те семена и зародыши высокого уважения к самому себе и высокого понятия о себе, какие жили в его душе» [1, с. 259].

Среди крестьян, наделенных от рождения исключительными способностями к самостоятельной деятельности, иногда встречалось инициативное страстное, нередко интуитивное тяготение к интеллектуально-творческим занятиям. Не смог, например, усидеть в родной деревне и заняться рыбным промыслом юный Михайло Ломоносов: душа рвалась к чему-то

неизвестному, жаждала познания. Чувствовал свое исключительное призвание когда-то никому не известный Григорий Потемкин. Он делал все возможное для приближения своей мечты – быть принятым в образованном обществе: самостоятельно овладел французским языком, придворным этикетом, чего обычно не делали рядовые гвардейские офицеры.

К аристократическим нравам, как отмечено выше, охотно приобщалась и сложившаяся в XIX в. творчески работающая интеллигенция. Интересно в этом отношении описание В. В. Розановым встреченного им в семье вдовы учителя Елецкой гимназии Варвары Дмитриевны Бутягиной истинного благородства. «В первый раз в жизни я увидел благородных людей и благородную жизнь, – вспоминал он позже. – И жизнь очень бедна, и люди очень бедны. Но никакой тоски, черни, даже жалоб не было. Было что-то благословенное в самом доме. И никто вообще никого не обижал... не было совсем “сердитости”... никакого завидования...» [9, с. 5].

Образованная часть разночинной молодежи, покоренная красотой, необычностью и продуктивностью мыслительной деятельности и возможностью с ее помощью квалифицированно осуществлять просвещение, лечение, правовую защиту и другие виды интеллектуального служения, обратилась к глубокому освоению аристократической нравственной культуры. Проникая в ее тайны, интеллигенция после реформ 60-х гг. XIX в. стала преемницей этой культуры, которая постепенно приобрела большую известность под названием *интеллигентность*. Посвящая себя интеллектуальной деятельности, эта часть интеллигенции продолжала служить обществу, но служить посредством использования своих профессиональных знаний и умений. Именно поэтому, очевидно, у наших современников она вызывает неподдельное уважение.

Российская наука и культура обогащены и подняты на новую ступень многими известными интеллигентами. Вклад профессиональной интеллигенции в духовную культуру ничуть не меньше, чем вклад аристократии. По своей сути интеллигенты тоже аристократы духа: органичное для них духовное творчество оказалось невозможно подавить даже в условиях ГУЛАГа. Достаточно вспомнить последние годы жизни Н. И. Вавилова, который и в тюрьме не мог не мыслить. К сожалению, наряду с добросовестно работающей профессиональной интеллигенцией начала складываться леворадикальная группа, разрушающая с целью усовершенствования мира существующую нравственную культуру. Но это скорее тема отдельной статьи.

Не хотелось бы заниматься сопоставлением аристократов и интеллигентов, чтобы избежать соблазна выявлять большую или меньшую ценность каждой из названных культурных групп. Они делали одно и то же дело – творили культуру (наука, как известно, одна из ее частей). Но у каждой из этих групп были совершенно различные стартовые позиции и в чем-то не совпадающие цели творчества. Для дворянской аристократии творческая деятельность была результатом игры духа, а для интеллигентов – не только реализацией высокого творческого потенциала, но и единственным материальным источником жизни их семей, дисциплинированным самоотверженным интеллектуальным трудом. Имея predisposition к духовному творчеству, интеллигенты через образование восприняли аристократические духовные ценности и целенаправленно и ответственно служили отечеству. Фактически они стали единственными достойными продолжателями воспроизводства аристократической нравственной культуры именно в то время, когда дворянская аристократия исторически уже прекращала свое существование. Естественно, в процессе освоения новыми субъектами аристократическая нравственная культура претерпевала определенные изменения, но это были изменения воспроизводства, а не уничтожения.

По своим истокам характерные для элитарных кругов гуманистические идеи – не только русского происхождения, это квинтэссенция культуры всего человечества. Интеллигентский тип нравственности складывался в течение многих поколений, иерархия духовных ценностей вырабатывалась постепенно. Дальнейшее воспроизводство интеллигентности как одного из вариантов нравственной культуры России в настоящее время зависит как от пути развития самой России, так и от перспектив развития мирового сообщества.

Согласно мнению серьезных исследователей, в XXI в. эпоха постиндустриального общества уступает место информационной эпохе. На этом качественно новом этапе общественной жизни, когда все большую значимость приобретают знания, информация, у русского народа есть отличный шанс вписаться в мировую цивилизацию своими собственными доминантами [11, с. 47]. Внутренняя же predisposition человека к неординарному ходу мысли на информационном этапе российской истории может воплотиться в дальнейшем развитии интеллигентности и педагогическом использовании ее потенциала в ходе образовательного процесса.

Литература

1. Анненков П. В. Замечательное десятилетие 1838–1848 // Литературные воспоминания. М.: Правда, 1989.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. СПб.: ТОО «Диамант», 1996.
3. Георгиевский А. И. Из «Воспоминаний» // Тютчев Ф. И. Стихи. Письма. Воспоминания современников. М.: Правда, 1988.
4. Гончарова Т. В. Эпикур. М.: Мол. гвардия, 1988.
5. Гусейнов А. А., Ирритц Г. Краткая история этики. М.: Мысль, 1987.
6. Кавелин К. Д. Авдотья Петровна Елагина // Наш умственный строй. М.: Правда, 1989.
7. Материалисты Древней Греции. М.: Политиздат, 1955.
8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2003.
9. Розанов В. В. Религия и культура // Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1990.
10. Толстой И. Л. Мои воспоминания. М.: Правда, 1987.
11. Франц А. Б. О русской модели блага и его будущем // Этика успеха. 1994. № 3.
12. Франц А. С. Российские нравы: истоки и реальность (азбука этического плюрализма). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999.